

«МЕНЯ ВСКОРМИЛА СТЕПЬ МОЯ...»

Махамбет УТЕМИСОВ

Великая мечта

Придёт ли он, тот счастливый день,
Когда взовётся восстания знак –
Упрям и горд, полосатый стяг?
Придёт ли он, тот счастливый день,
Когда, столкнувшись в поле с врагом,
Мы метким встретим его свинцом?
Придёт ли он, тот счастливый день,
Когда нас в бой помчит аргамак,
Наш славный конь, чей сказочен бег,
Наш аргамак, чей корм – ебелек?
Придёт ли он, тот счастливый день,
Когда аксакал-избранник нас
Благословит в решительный час
И жертвенных яств нам вкусить велит!
Когда, по-волчьи нюхая след,
По-лисьи скользя всю ночь напролёт
В броне, на которой – тяжёлый лёд,
Копьём разя и подняв наш стяг,
Тебя мы изгоним, коварный враг!

Перевод Анны Никольской

Птичка-невеличка

Птичка озёрная, птичка родная,
Крылья крепки, но шейка слаба.
Я потерял в бою Исатая,
Теперь одинока моя голова.

Птичка озёрная, невеличка,
Озеро ты защищала крылом,
На берегу том в гнезде яйца,
Враг разорил твой крошечный дом.

Я защищал свою землю родную,
Детей и старух прикрывая крылом,
Переломить хотел силу злую,
Но потерял свой родимый дом.

В небе летаешь, крошка, синичка.
Ястреб тебя отогнал от воды,

Ястреб, безжалостный
к маленьким птичкам,
Ух, он дождется, запомни, беды!

Хана Джангира, меня разлучившего
С милой родиной навсегда,
И окруженье его нечистое
Тожe настигнет однажды беда!

От разговоров много ли толку?
В горе, печали, разлуке с ней,
С родиной милой, теперь и далекой,
Много пройдёт, Махамбет, твоих дней!..

Перевод Орынбая Жанайдарова

Тот не герой

Кто не стёр стремями ноги,
Кто не слился с копьем на коне,
Кто не все еще вызнал дороги
И потник не изъездил вконец,
Кто так долго не жил у родного порога,
Чтоб его не узнали ни мать, ни отец,
Кто не знал день и ночь покоя,
Кто не бредил едой и водой,
Кто не спал,
Расстеливши в степи
Лишь потник
Под собою,
В изголовье –
С Полярной звездой, –
Тот ещё не мужчина,
не воин,
Тот ещё не герой.

Перевод Альберта Устинова

Предсмертные слова Исатая, сказанные Махамбету

Эх, Махамбет, товарищ мой,
Пришла пора расстаться нам.
Наш враг сумел найти меня
Во лжи отравленной стрелой.

Эх, Махамбет, мой друг и брат,
Мы потеряли счастья след.
Джигитов наших с нами нет,
И мне их больше не собрать.

Я мог, как все, в покое жить,
Пасти овец, кормить детей...
Но захотел я для людей
Пути к свободе проложить.

Когда мне стало сорок лет,
В Жаскус пришел я с войска тьмой.
Хан на коленях предо мной
Молил пошалы. Твой совет.

Разумным был, эх, Махамбет.
Ты требовал казнить его.
Все ждали слова моего.
Но я до этих скорбных лет

Не принимал ничей совет.
И, словно дуба сук кривой,
Был своенравный и глухой.
И я тебе не уступил...

Как доверяться хану мог
И дать десятидневный срок?!
На время войско распустил...
А вероломный хан Джангир
Не так использовал наш мир.

Когда собрали войско вновь
Мы в Бекетайские пески,
Хан вызвал царские полки.
И пролилась напрасно кровь.
Мое усердье за народ
Окончилось ножом в живот.

Забитым был простолюдин —
Огонь я в сердце пробудил,
Я мужество его поднял
И с белой костью поравнял.
Сирот досыта накормил
И вдов землю оделил,
А где теперь оно,
 моё

То — с колокольчиком копьё?

Не слушал, что ты говорил,
Когда, победой опьянён,
Я пожалел ревущих жён,
Отродье ханское простил.

Настали горестные дни.
Когда-то пил из чаши мёд.
Теперь воды глоток один
В неделю раз беру я в рот.

Если умру иль закуют,
А ты останешься живой,
То сына уведи с собой,
Мою надежду – Жакию.

Перевод Альберта Устинова

Прощание с народом

Отцу мой завет передай,
Чтоб был он всегда с конём,
Дубовым запасаю копьём
И друга не видел ни в ком —
Опора лишь в нём самом.
Кто другом считался моим,
Тот недругу нынче друг.
Когда мне грозила беда,
Кто с пояса снял свой лук?
Прощай же, прощай навсегда,
Народ мой, изнывший от мук!
Назад не найду я дорог...
О мать и сестра! Родня!
Я с вами проститься не смог.
Не обняла меня
Та, которую Бог мне нарек...

Жүмекен НАЖИМЕДЕНОВ

Колющая боль

Меня вскормила степь моя,
 Рос я у холки скакуна.
 Смотрю теперь на горы я,
 Когда душа моя больна.

Что много видел, не сказать.
И я столичный житель, друг.
Но в степь опять гляжу, опять,
Когда сведёт дыхание вдруг.

Выводит в люди нас народ,
Но что я сделал для него?
Вот оттого и боль растет,
Дышать мне трудно оттого.

Перевод Г. Фролова

Воздушная тревога

Как нелегко проникнуться тревогой
И согласиться, что близка беда.
Сияет небо синью над дорогой,
Чиста на вид озёрная вода.
Такую щедрость – и утратим разом?
Конечно, нет... И всё же день за днем
Вдыхаем воздух, напоенный газом,
Живём, играя с ядом и огнём.
Мы – эгоисты, мы слепы и грубы,
Нас пустяками больше не тревожь.
И вот уж экскаватор скалит зубы,
Бульдозер в землю погружает нож
И рвет её, раскатисто чихает.
А где-то в тундре, подминая мхи,
Картавит трактор, словно бы читает
Надрывные корявые стихи.
Антеннами щетинятся пригорки,
В лесах с ружьишком браконьер дурит.
Вода в реке и родниках прогоркла,
И всё вокруг дымится и горит,
И плавится... Кипят кругом работы,
Эгей, земля-кормилица, держись!
Комариками вьются вертолёты,
Нудливым звоном заполняя высь.
Безумцы мы, беспечные, как дети,
Играющие в нечет или чёт.
Наступит день, и людям на планете
Придётся взять и воздух на учёт.
Ну, а пока надеемся на горы,
На степи и зелёные леса.
И всё равно неотвратимо скоро
Земные истощатся чудеса.
Мы всё утратим, позабудем сказку,
Отметим день последнего гриба.
Полна уже сегодня под завязку
Флаконами из-под лекарств арба.
Давай же думать, друг, ещё не поздно!
Уйдём и мы, но после нас с тобой
Должно остаться это небо звёздным,
Земля должна остаться голубой.

Перевод О. Постникова

САГИН-ГИРЕЙ

Бессмертники на Эмбе

Средь чахлых трав растёт бессмертник.
Как воли к жизни торжество.
В своих скитаниях безмерных,
Бесчисленных я вспоминал его.

Меня давило обручами
Чужих тропических широт.
Меня со смертью обручали
Осколки ледовитых вод.

Меня затягивало в омут,
Где путь из грязи да в князья.
И руку никому другому
Оттуда протянуть нельзя.

И попадал я под копыта
Страстей, властей, лихих времён.
И совестью не раз был пытан.
И волчьей стаей окружён.

И в миг, когда с овчинку небо
И слабость духа тут как тут,
Я вспоминал, как в устье Эмбы –
Сквозь соль! – бессмертники цветут.

И отпускало. И теплело.
И силы появлялись вдруг.
И я отодвигал пределы,
Я разрывал порочный круг.

И с криком радостным: «Свобода!»
Я уходил в немой простор,
А позже снова – в час невзгоды
К простору крючья рук простер...

Мне и сейчас порой несладко.
Но вот он, вот – передо мной,
Как символ жесткого порядка
И жизнестойкости земной –

Мой старый, добрый друг бессмертник –
Над сплошь полёгшею травой
Стоит в преддверьи выюг несметных.
Пусть опалённый, но живой!